

• В творческой лаборатории

ЩЕДРЫЕ КРАСКИ МАСТЕРА

Завтра открывается конференция творческих работников театров Перми и области, проводимая пермским отделением Всероссийского театрального общества.

Главным в работе конференции будет обсуждение актуальных проблем театральной жизни, о том, как создается сценическое произведение, о взаимоотношении главных действующих лиц спектакля — актера и режиссера, репертуаре, актерском мастерстве.

Сегодня мы рассказываем о «старейшине» пермской драматической сцены, в течение шестнадцати лет бессменном общественном председателе отделения ВТО, заслуженной артистке РСФСР Галине Кузьминичне Васильевой.

стальнее на нее взглянуть. И мы, веря чутью мастера, идем за актрисой, начиная постигать образ в динамике, в развитии. Слов нет, больших симпатий к героине мы все равно не питаем, но если бы актриса предложила только плакато-отрицательную Бусыжиху, образ бы проиграл.

В самом деле: Бусыжиха предстает перед зрителем восьмидесятилетней старухой. Можно сыграть просто старость, пусть полную еще сил, но все-таки старость. Но Васильева твердо знает и своей игрой ярко это доказывает, что у Бусыжихи когда-то была иная жизнь, оставшаяся за пределами спектакля, но не прошедшая для нее бесследно. Один из героев всколыхнул разговор о старухе: «Она была когда-то красавицей. Офицеры из-за нее стрелялись. А она встретила обыкновенного кузнеца и ушла с ним в деревню...»

Нет, совсем не проста Бусыжиха! И Васильева создает на сцене характер сильный, незаурядный, колоритный. Она не утверждает героиню, сама будучи человеком много склада, воюет с ней, но как актриса щедро отдает образу все краски, которые есть в арсенале художника.

В «Доходном месте» (по пьесе А. Н. Островского) в Пермской драме отменный актерский ансамбль, где трудно отдать предпочтение кому-либо. На долю Г. К. Васильевой выпала роль злобствующей ханжи и мещанки Фелисаты Герасимовны Кукушкиной. Ее героиня — не просто Кукушкина, а именно Фелисата Герасимовна, вдова коллежского асессора. Об этом Васильева всем своим видом заявляет с самых пер-

вых сцен. Житейская философия Кукушкиной сводится к фразе, которую та очень любит повторять: «У меня чистота, у меня порядок, у меня все в струне!»

Ключим взглядом Кукушкина-Васильева (не глаза — щелочки, а от них страшно) пристально и цепко прощупывает и лицо собеседника, и сукно его сюртука, и портьеру на окне.

Кукушкина хочет, чтоб жизнь всех людей строилась по догмам домостроевской морали. Поэтому любую, даже малую возможность она использует, чтобы поучить окружающих уму-разуму. Что же, ее ретроградство освещено убеждениями? Отнюдь нет. И Васильева множеством деталей (жестом, двусмысленной ухмылкой, прищуром глаз, поворотом головы) играет лицемерие.

Мы можем догадываться, как героиня Васильевой сумеет пуститься «во все тяжкие», взять от жизни все, когда ее никто не видит. По ханжеству и лицемерию — это Тартюф в юбке!

Спектакль «Доходное место» — воинствующий бой мещанству во всех его проявлениях: служебных, общественных, личных. Это и суд над ним. А, как известно, судить можно по-разному: разительным гневом, непримиримостью, смехом. Васильева судит свою героиню смехом. Актриса потешается над притязаниями Кукушкиной сойти за светскую даму, быть этакой мечтой коллежских асессоров и столоначальников; зритель весело смеется, когда крошечные колбочие глазки Кукушкина-Васильева стараются сделать большими и выразительными.

Итак, тщательно отобранная бытовая детализация образа, насыщенность его незначительными, мелкими (а по сути очень важными, если говорить о жизненной правде) деталями, штрихами, подробностями характеризуют и эту работу Г. К. Васильевой.

До сих пор мы говорили о героинях актрисы, пусть и очень разноплановых, но все же, в определенных теневых точках, как-то смыкающихся друг с другом.

В спектакле «Наследство» (пьеса А. Софронова) Г. Васильева ошеломляет своей радостной лучезарностью. Ее героиня светится счастьем оттого, что она мать, оттого, что прожила жизнь с любимым человеком, наконец, оттого, что бабушка и у нее есть внук, одним словом, счастлива потому, что она — хранительница домашнего очага.

На какое-то время, вроде, все перепуталось в доме Недосекиных: зять обманывает, дочь Варвара покрывает обман и унижается — и это в семье, где отношения всегда строились на правде и доверии. Негодует глава дома — генерал Недосекин, он еле сдерживается, чтоб не указать зятю на дверь, мучается Варвара. А что же Любовь Петровна Недосекина? Неужели не видит, как плохо стало в их чистом, светлом доме? Видит. Но, исполненная особой женской мудрости, которая появляется у матерей, имеющих взрослых детей, она старается рассудить жизнь по законам добра, а не зла. Эти законы установлены ее щедрым сердцем, и, что бы ни случилось в жизни, Любовь Петровна им не изменит. И поэтому все, что соприкаса-

ется с ней, невольно для самих себя становятся мягче, добрее.

Тут следует сказать, что в пьесе «Наследство» Любовь Петровна совсем не главный персонаж, ей отведено очень немного места. У нее нет длинных монологов, она ни с кем не вступает в конфликт, драматург предоставил ее героине тот минимум средств, который дает актрисе право самой решать: будет эта роль незаметной или значительной. У Васильевой Недосекина выходит далеко за пределы эпизода. Вот что значит мастерски делать свою работу!

Пермские театралы, вероятно, помнят время, когда в драму шли «смотреть» Святальскую, Януш, Мосолову, Васильеву. Созвездие темпераментных ярких актрис! И как-то досадно, что в последнее время одну из них мы видим, в основном, в ролях эпизодических (то, что Васильева делает их выходящими за рамки эпизода, — вопрос другой).

Я ловлю себя на мысли, что очень хотелось бы снова встретиться с Васильевой в роли миссис Сэвидж (спектакль «Странная миссис Сэвидж» по пьесе Б. Патрика несколько лет назад с успехом шел на пермской сцене); вижу, какой интересной могла бы быть ее работа в брехтовской «Мамаше Кураж...» или в «Лесе» Островского.

Конечно, решать — театру. Но и зритель, как и актер, не может жить без мечты.

И. ФУКАЛОВА.

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Г. К. ВАСИЛЬЕВА в роли Кукушкиной в спектакле «Доходное место».

Фото А. Зернина.

ЗВЕЗДА

23 ДЕНЬ 1975

ДАВНО замечено, что особенно большой успех приходит к актеру тогда, когда будто сливаются в одной точке творческая и жизненная биографии. Эта точка — роль. Но сплошь и рядом бывает иначе. Артисту нередко приходится создавать образы не только далекие от его личных качеств, но и чуждые ему по мыслям, мироощущению.

Получить роль, которая бы сразу пробудила в актере дремлющий мир его наблюдений и впечатлений, воспоминаний детства и юности, — большое счастье. Иногда такое счастье выпадает только раз в жизни. А на работу актеры ходят каждый день.

За сорок лет, отданных театру, заслуженная артистка РСФСР Галина Кузьминична Васильева сыграла многие десятки ролей. Современники и женщины прошлых времен. Добрых и злых. Счастливых и обойденных счастьем. Думающих о других и заботящихся только о собственной выгоде.

Итак, ее героини очень разные, воздействие на зрителя — психологическое, эмоциональное — тоже. И все-таки мы всегда ее узнаем. Но речь идет не о внешнем рисунке (в конце концов, в содружестве с гримером, если захотеть, можно добиться неузнаваемости). Мы ее узнаем по отношению к роли, по вы-

разительности красок, метких бытовых и психологических деталей, которыми она наделяет образ, чтобы полнее раскрыть характер, его природу.

Из последних работ Г. К. Васильевой хочется остановиться на трех, диаметрально противоположных по своему типу.

Вот уже третий сезон в Пермской драме идет спектакль «Иней на стогах» — пьеса о современной деревне, о столкновении людских судеб и характеров. В нем Васильева исполняет роль Маргрены Бусыгиной, церковной старосты.

Мы видим грузную, очень старую женщину, тяжело опирающуюся на посох. Она мно-

гое не приемлет в настоящей жизни, к людям, ее окружающим, обращается, как правило, словами: «Ироды окаянные!»

Бусыжиха (так зовут ее в деревне) — энергичный устроитель церковных дел. «Священник наш, отец Михаил, совсем обветшал. Думала кого из Москвы сманить. Да вот ни с чем еду. Поиссаяли кадры», — рассказывает она дорожной попутчице.

Бусыжиха — и подпольная ворожея, не чурающаяся взять маду от неудачника в любви за приговленное «приворотное зелье».

На первый взгляд, все черное в этой женщине. Но Васильева предлагает нам попри-